

RU

Образы вооружённых сепаратистов в начальный период первой чеченской кампании (по материалам центральных средств массовой информации Российской Федерации)

Тумаков Д. В.

Аннотация. Цель исследования – получение данных о восприятии центральными средствами массовой информации Российской Федерации вооружённых сепаратистов в начальный период первой чеченской кампании. В статье были проанализированы наиболее типичные публикации в столичных масс-медиа, придерживавшихся провоенных (ведомственные и националистические издания) и антивоенных политических взглядов (демократические масс-медиа). Исследуется исторический контекст противостояния федеральных властей и мятежной Чеченской Республики в 1994-1996 гг., а также приводятся точки зрения журналистов ведущих российских изданий на военные формирования сепаратистов. Большинство из авторов являлись непосредственными очевидцами операции в Чечне. Научная новизна работы заключается в получении знаний о представлениях федеральной печати о чеченских сепаратистах в данный хронологический отрезок. В результате выявлено, что между представителями масс-медиа разных политических лагерей существовали принципиальные различия в освещении темы. Журналисты ведомственных и националистических изданий давали исключительно негативные оценки вооружённым сторонникам генерала Д. М. Дудаева, в то время как демократы считали последних жертвами неразумной политики федерального Центра. В этом заключается главное отличие информационного освещения событий середины 1990-х гг. на Северном Кавказе от освещения предыдущих военно-политических событий.

EN

Images of armed separatists during the initial period of the first Chechen campaign (based on materials from the central media of the Russian Federation)

D. V. Tumakov

Abstract. The purpose of the study is to obtain the information about the perception of armed separatists by the central media of the Russian Federation during the initial period of the first Chechen campaign. The article analyzes the most typical publications in the capital's mass media that held pro-war (departmental and nationalist publications) and anti-war political views (democratic mass media). It explores the historical context of the confrontation between the federal authorities and the rebellious Chechen Republic in 1994-1996, as well as the perspectives of journalists from leading Russian publications on the separatist military formations. Most of the authors were direct eyewitnesses of the operation in Chechnya. The scientific novelty of the work lies in the systematization of the federal press's representations of the Chechen separatists during this period. As a result, it was revealed that there were fundamental differences between the media representatives of different political camps in covering the topic. Journalists from departmental and nationalist publications gave exclusively negative assessments of the armed supporters of General D. M. Dudayev, while their colleagues considered them to be victims of the federal center's unwise policies. This is the main difference in the information coverage of the events in the mid-1990s in the North Caucasus compared to previous military and political events.

Введение

Актуальность данного исследования обусловлена интересом к постсоветской истории российского Северного Кавказа. Несмотря на то, что федеральным властям и правоохранительным структурам к началу 2020-х гг.

удалось заметно стабилизировать обстановку в данном регионе страны, вопросы безопасности, религиозного и межнационального согласия здесь по-прежнему сохраняют остроту. В силу этого представляется важным проведение тщательного анализа событий новейшей истории данного региона, когда государству дважды пришлось использовать военную силу с целью сохранения единства и территориальной целостности России. При этом исследователи (Малашенко, Тренин, 2002; Ляховский, 2006; Тумаков, 2017; Ливен, 2019; Шайхаев, 2019) чаще касаются тем, связанных с операциями федеральных войск в Чеченской Республике в 1994–1996 гг. и в 1999–2009 гг., оценками боевых действий на её территории различными политическими силами постсоветской России или с темой терроризма на Северном Кавказе. В то же время проблема восприятия вооружённых сепаратистов в российской прессе тех лет находится явно на периферии внимания современных историков. Между тем в середине 1990-х гг. этот вопрос вызвал заметный резонанс у большей части федеральных СМИ, независимо от их политических взглядов. Анализу наиболее типичных публикаций такого рода и посвящено представленное исследование.

Для решения вышеуказанной цели исследования необходимо решить следующие задачи:

- изучить общий контекст событий конца 1994 – лета 1995 года в Чеченской Республике – в период наибольшего размаха военных действий на её территории;
- проанализировать наиболее типичные материалы российской периодической печати по чеченской проблематике за декабрь 1994 – лето 1995 года;
- оценить их влияние на дальнейший ход чеченского кризиса в целом.

При написании данной статьи активно применялся историко-сравнительный метод, при помощи которого были сопоставлены факты и события недавнего прошлого, выявлены сходства и различия между ними. Сбор, анализ и критика исторических источников и литературы по теме исследования позволили получить достаточную источниковую базу и систематизировать представления о восприятии вооружённых чеченских сепаратистов в середине 1990-х гг.

Материалом для исследования выступили многочисленные публикации, вышедшие в центральной периодической печати РФ в период с конца 1994 по лето 1995 года. Первые из них были настроены провоенно. К ним относятся статьи и заметки как в центральном печатном органе Министерства обороны (МО) РФ газете «Красная звезда» и журнале Внутренних войск (ВВ) МВД РФ «На боевом посту», так и в средствах массовой информации оппозиционной направленности, что позволяет получить более полную и достоверную картину. К провоенным группам российской политической элиты применительно к 1994–1995 гг. автор публикации относит различные организации консервативного или националистического толка. Если в начале 1990-х гг. они активно критиковали президента России Б. Н. Ельцина за многочисленные экономические неудачи, просчёты в национальной политике, особенно за попытку сближения России с США, и даже противостояли ему с оружием в руках во время событий октября 1993 года в Москве, то ввод федеральных войск в мятежную Чечню в конце 1994 года существенно изменил их отношение к курсу главы государства. Именно крайне правые силы оказали Б. Н. Ельцину безоговорочную поддержку в чеченском вопросе (Кищенко, Тумаков, 2024, с. 576). Наиболее ярко позицию националистов в чеченском вопросе выражала газета «Русский вестник».

Вторую группу материалов СМИ составляют антивоенно настроенные издания, относившиеся к центристской и демократической прессе. Уточним, что под определение «центристской печати» мы относим те столичные масс-медиа, на страницах которых регулярно выходили публикации политических деятелей и обозревателей самого разного спектра, начиная от сторонников тогдашней власти и заканчивая её оппонентами («Комсомольская правда», «Независимая газета», «Труд»). Редакции таких масс-медиа старались избегать крайностей в оценках различных событий внутренней политики постсоветской России. В отличие от них, такие издания, как «Известия», «Общая газета» или «Сегодня», а также журнал «Новое время» регулярно выражали поддержку рыночным преобразованиям в России, выступали за радикальное реформирование её политического строя по западному образцу и осуждали советские порядки, но при этом крайне негативно оценивали начавшуюся в конце 1994 года военную операцию в Чечне, поэтому их мы можем отнести к демократической прессе.

Также были использованы источники личного происхождения, в частности, дневники (Черкизов, 1996) и воспоминания очевидцев событий (Киселёв, 2013; Шестопалов, 2013) из числа журналистов и военнослужащих – участников начального этапа первой чеченской кампании.

Теоретическую базу исследования составляют труды отечественных и зарубежных учёных, посвящённые анализу различных аспектов военно-политического кризиса в Чеченской Республике в 1990-е гг. Их можно структурировать следующим образом. Во-первых, исследования, характеризующие военно-политическую обстановку в регионе в историческом контексте 1990-х гг. (Малашенко, Тренин, 2002; Ляховский, 2006; Тумаков, 2017; Ливен, 2019). Во-вторых, исследования, посвящённые как развитию российской прессы в первое постсоветское десятилетие в целом, так и работе СМИ в период военных действий в Чечне в частности (Тумаков, 2018; Островский, 2019). В-третьих, работы по истории Северного Кавказа в конце советской эпохи и в первое десятилетие после распада СССР (Шнирельман, 2006; Шайхаев, 2019; Тумаков, 2025). Наконец, в-четвёртых, упомянем исследования историков по партийно-политической системе новой России (Зеленко, 2002; Осьмачко, 2003; Тризман, 2012; Кищенко, Тумаков, 2024).

Практическая значимость данного исследования состоит в том, что знание и понимание событий недавнего прошлого может способствовать недопущению новой эскалации напряжённости на российском Северном Кавказе. К тому же его материалы могут быть в последующем использованы при подготовке и написании диссертационных работ, научных монографий и статей на схожую проблематику.

Обсуждение и результаты

После распада СССР новая Россия, помимо острых социально-экономических и политических сложностей, столкнулась с кризисом во взаимоотношениях между отдельными народами (Северная Осетия и Ингушетия), а также была вынуждена различными средствами бороться с сепаратизмом некоторых регионов (Татарстан, Чечня). Главной «горячей точкой» страны в 1990-е гг. стал Северный Кавказ, где крупнейшим примером такого рода оказалась операция 1994-1996 гг. по восстановлению конституционной законности и правопорядка в Чеченской Республике. В отечественной периодике и публицистике тех лет она получила наименование «чеченской войны» (после возобновления активных боевых действий в 1999 году – «первой чеченской войны»), став одним из крупнейших вооружённых конфликтов в Европе после завершения Второй мировой войны (Тумаков, 2017, с. 714). В ходе неё со стороны федеральных сил активно использовалось тяжёлое вооружение всех типов (Тумаков, 2017, с. 714), а противостоявшие им сторонники выхода Чечни из состава России неоднократно прибегали к диверсиям и даже резонансным и кровавым актам массового террора, выходящим за пределы самой республики (Ляховский, 2006, с. 365-376, 379-383; Тризман, 2012, с. 65, 267-268; Тумаков, 2017, с. 303-308, 333-336; Ливен, 2019, с. 175-176).

Заметные масштабы вооружённых столкновений на Северном Кавказе в 1994-1996 гг. предопределили соответствующий людской и финансовый ущерб. Только по официальным данным властей, количество жертв противостояния варьировалось от 30 до 35 тысяч человек (Россия и СССР..., 2001, с. 585). Боевые действия стоили России значительных финансовых затрат. По различным данным отечественных и зарубежных исследователей, общеэкономический ущерб от военных операций оценивался в пределах от 3,8 до 5,5 млрд долларов (Малашенко, Тренин, 2002, с. 166; Осьмачко, 2003, с. 228). При этом в 1996 году 12% военного бюджета России ушло на «чеченские нужды» (Малашенко, Тренин, 2002, с. 166). Неудивительно, что трагические события тех лет на Северном Кавказе нашли всемерное отражение как в федеральной, так и в зарубежной печати.

Стремясь доказать, что федеральный Центр действовал в Чеченской Республике как её освободитель от откровенно нелегитимного, криминального режима генерала Д. М. Дудаева, российские официальные лица неоднократно утверждали, что основное сопротивление подразделениям МО и ВВ МВД РФ оказывали иностранные наёмники. Ещё 29 декабря 1994 года на пресс-конференции в Моздоке директор Федеральной службы контрразведки (ФСК) России генерал-лейтенант С. В. Степашин утверждал, что «чеченский народ не воюет» с федеральными войсками, а наиболее стойкое сопротивление им оказывают афганские моджахеды, наёмники из Прибалтики, таджикские оппозиционеры-исламиты, до 60 украинских националистов, иорданцы и даже русские наёмники (Кислый, 1995, с. 7).

В дальнейшем оценки участия иностранцев в боевых действиях в Чечне со стороны высокопоставленных силовиков только возрастали. В частности, речь шла о прибытии в Чечню после начала крупномасштабных военных действий на её территории более чем 2000 боевиков из различных государств исламского Востока, преимущественно из Афганистана. Общая численность наёмников оценивалась официальными источниками в диапазоне от 3600 до 3800 человек (Тумаков, 2017, с. 438-439). Типичной в этом отношении следует считать точку зрения заместителя Главнокомандующего Сухопутных войск России по вооружению генерал-полковника С. А. Маева, зимой 1995 года публично утверждавшего, что «в Чечне собраны наиболее отъявленные головорезы со всех «горячих точек» мира» (Тумаков, 2017, с. 439). Аналогичного мнения вплоть до самого завершения боевых действий в августе 1996 года придерживались и остальные высокопоставленные российские военачальники, утверждавшие о переброске на Северный Кавказ сотен и даже тысяч радикальных исламистов из ряда государств мусульманского Востока и Северной Африки (Тумаков, 2017, с. 441, 444). Именно эти люди воспринимались в качестве ударной силы дудаевских отрядов и едва ли не главного противника России в Чечне.

Российские военные журналисты неизменно утверждали, что незаконные вооружённые формирования (НВФ) Чечни, противостоявшие федеральным силам, были хорошо вооружены, оснащены и подготовлены для боевых действий, поскольку дудаевский режим не выплачивал налоги в бюджет России, а также не выдавал зарплаты и пенсии жителям республики. Не забывали официальные СМИ о таких способах получения мятежной республикой финансовых средств, как наркобизнес или печально известные фальшивые авизо (Фаличев, 1995b). В частности, журналист «Красной звезды» полковник О. В. Фаличев (1995b) ссылаясь на имевшийся у армейского командования трофейный документ, в котором дудаевский комендант Надтеречного района предписывал директору одного из заводов ежемесячно отчислять по 15 млн рублей из бюджета предприятия на закупку оружия. Аналогичным образом, по утверждению военного эксперта, в начале 1990-х гг. действовали чеченские правоохранительные органы и даже отдельные населённые пункты Чечни (Фаличев, 1995b). Полный текст упомянутого документа или его фото военный журналист не приводил. Главным финансовым источником для закупки сепаратистами вооружений официальные СМИ считали нефтяной экспорт, поскольку Чечня добывала до 5% высококачественной нефти в стране, а также производила большое количество бензина и авиамасел (Фаличев, 1995b).

Аналогичные свидетельства приводились и в других центральных масс-медиа тех лет. К примеру, после перехода Грозного под контроль федеральных войск и пророссийского Правительства национального возрождения Чечни столичная «Независимая газета» писала о некоем трёхстраничном документе на имя Д. М. Дудаева за подписью прокурора Чечни Э. С. Шериповой, в котором последняя обвиняла начальника Департамента государственной безопасности (ДГБ) Чечни С. Гелисханова в совершении таких тяжких преступлений,

как незаконные аресты руководителей предприятий и хозяйств, а также взяточничество. Российские спецслужбы подозревали, что на средства, незаконно полученные ДГБ, закупались вооружение и боеприпасы, а также нанимались иностранные военные инструкторы и боевики (Кутасов, 1995). В силу этого, утверждал журналист, образ чеченского сепаратиста как благородного и смелого горского воина всё больше вытесняется в центральных СМИ «образом хитрого и жестокого... наёмника» (Кутасов, 1995). Тем не менее упомянутый трофейный документ также не был опубликован в российских открытых источниках той эпохи.

Чеченские боевики обвинялись официальной печатью и в нечестном способе ведения боевых действий. В частности, специальный корреспондент издания полковник О. В. Фаличев (1995а) утверждал, что противник хитро перекрыл улицы Грозного бетонными блоками так, чтобы российская боевая техника попадала в засады и была расстреляна из окон жилых домов. В силу этого армии пришлось не осуществлять поддержку силам МВД в поиске и задержании отдельных банд боевиков, а вести боевые действия по всем правилам военного искусства, то есть «создавать ударные кулаки» и «взламывать опорные пункты» (Фаличев, 1995а) в условиях города. При этом военные, по утверждению Фаличева, старались минимизировать риск для мирных жителей и вели огонь лишь по выявленным целям НВФ, в то время как дудаевцы завязывали бой в жилых кварталах Грозного, особенно в тех, что были населены преимущественно русскоязычными жителями. Большие разрушения жилого сектора и административных зданий столицы Чечни, по оценкам местной администрации, достигавшие 65% от общего числа зданий (Гололобов, 1995), военный корреспондент объяснял именно расположением в них огневых точек НВФ (Фаличев, 1995а).

Отчасти утверждения российских официальных лиц подтверждали и посетившие новую «горячую точку» Северного Кавказа иностранные журналисты. К примеру, журналист польской газеты *“Zycie Warszawy”* Я. Ружджинский сообщал об атаках Военно-воздушных сил России на станицу Серноводскую (с 2024 года – город Серноводск, административный центр Серноводского района Чеченской Республики) в вечернее и ночное время, вследствие чего её жители были вынуждены вечером и ночью прятаться в подвалах своих домов (Ружджинский, 2013, с. 39). Однако эти действия авиаторов нередко объяснялись тем, что дудаевские боевики обстреливали с земли российские боевые самолёты из пулемётов, установленных в кабине обычного трактора («стреляющей брони»), поэтому нередко в ответ авиация с профилактической целью производила атаки на автотранспорт, проезжавший по чеченским трассам (Ружджинский, 1994, с. 9). В конце 1994 года Я. Ружджинский неоднократно был свидетелем подобных действий.

Аналогичные оценки действий НВФ прозвучали и в статье военного журналиста подполковника Ю. П. Кислого, вышедшей в журнале ВВ МВД РФ «На боевом посту» в разгар боевых действий в Чечне. Автор писал, что в декабре 1994 года в тяжёлом бою у станицы Петропавловская Грозненского сельского района федеральным силам противостояла банда из более чем 1200 хорошо вооружённых боевиков, которой руководил некий полевой командир Али по кличке «Одинокый волк» (Кислый, 1995, с. 6). В недавнем прошлом, как утверждали офицеры ВВ МВД – герои данного очерка, этот человек был обычным уголовным авторитетом, неоднократно судимым за различные преступления, поэтому и боевики Али были охарактеризованы автором как «воры, бандюги, убийцы», которые используют женщин и детей как прикрытие и стреляют из-за их спин (Кислый, 1995, с. 6). Именно благодаря таким людям, заключал военный журналист, экономика Чеченской Республики в начале 1990-х гг. пребывала в состоянии глубокого кризиса: функционировали лишь 5% от общего числа промышленных предприятий, которые находились под контролем местного криминалитета, не работали медицинские учреждения, отсутствовали лекарства, а 90% населения Чечни проживали за чертой бедности (Кислый, 1995, с. 6-7). В силу этого правительство сепаратистов квалифицировалось правительственными масс-медиа как «реакционный режим» (Стародымов, Сидельников, 1995).

Официальные лица и вслед за ними правительственные масс-медиа декларировали, что симпатии основной массы населения республики, включая её коренное население, находились отнюдь не на стороне дудаевского режима. Заместитель командующего ВВ МВД РФ по работе с личным составом генерал-лейтенант С. Ф. Кавун в интервью «Красной звезде» утверждал, что лидеры сепаратистов насильно направляют чеченскую сельскую молодёжь воевать в Грозный. Однако сам по себе факт прохождения в столицу Чечни без эксцессов до 150 военных колонн свидетельствовал в пользу того, что народ республики в целом их не поддерживает (Фаличев, 1995а). Центральный печатный орган российского военного ведомства также приводил свидетельства двух жителей станицы Червлённая Шелковского района (в тексте статьи ошибочно названа «селением Чюрлёное») – бывшего лесника, пенсионера Б. Мусалатова, и женщины по имени Яха – о сложной жизни в республике в период нахождения у власти режима сепаратистов и, в силу этого, нежелании простых чеченцев воевать с федеральными войсками (Фаличев, 1995b). В свою очередь, у жителей некоторых селений Шалинского района причина недопуска дудаевских отрядов в свои населённые пункты состояла в том, что это решение привело бы к острому конфликту с войсками, началу боевых действий и фактическому срыву сельскохозяйственных полевых работ, что было неприемлемо для крестьян (Ермолин, Карапетян, 1995а).

В ряде публикаций правительственной и ведомственной прессы тех лет сравнительно невысоко оценивался и сам боевой дух сепаратистских отрядов. Как правило, статьи такого рода выходили уже после передела в ходе военных действий, выразившегося во взятии федеральными войсками Грозного и ряда других крупных населённых пунктов Чеченской Республики. Так, во время переговоров российских военных и чеченских боевиков, ставших основной темой для статьи специальных корреспондентов «Красной звезды» капитана 2-го ранга В. Ермолина и подполковника П. А. Карапетяна, неизвестный полевой командир и его

начальник штаба – в гражданской жизни сварщик и товаровед соответственно – резко критиковали высшую военно-политическую верхушку сепаратистов и выражали готовность прекратить вооружённое сопротивление федеральному Центру и пророссийскому Правительству национального возрождения Чечни. Важную роль в моральном сломе противника сыграла не только усталость от войны, но и общее военное превосходство российских войск, не ускользнувшее от внимания журналистов «Красной звезды». Если за спиной переговорщика со стороны федеральных сил – заместителя командира 506-го гвардейского мотострелкового полка по работе с личным составом подполковника В. Яблоцкого – находились не только хорошо вооружённые и готовые к бою пехотинцы, но и 1 танк и 3 боевые машины пехоты (БМП), то дудаевская сторона была представлена лишь одним автоматчиком (Ермолин, Карапетян, 1995а).

При этом утверждение военных корреспондентов, что подполковник В. Яблоцкий «спешит уже на другую встречу», поскольку «дипломатия на передовой продолжается» (Ермолин, Карапетян, 1995а), было призвано продемонстрировать читателям и подписчикам «Красной звезды» моральное поражение боевиков и близящееся победное завершение боевых действий в Чеченской Республике. В статье других корреспондентов центрального печатного органа МО РФ содержалось заявление о том, что населённые пункты, жители которых не пускали боевиков или не разрешали тем проявлять активность, сохранились нетронутыми, а разрушены огнём артиллерии, авиации и бронетехники были только те чеченские селения, где дудаевцы пытались оказать армии вооружённое сопротивление (Стародымов, Сидельников, 1995). Между тем британский журналист А. Ливен, неоднократно посещавший зону боевых действий в Чечне, отмечал, что в действительности в ряде сёл старики и женщины специально заключали перемирие с российскими войсками, чтобы вывести из-под ареста собственных родственников-боевиков (Ливен, 2019, с. 164-165), которые тем самым получали долгожданную передышку.

Весной 1995 года публикации «Красной звезды» показывали изменение самого характера военных действий на Северном Кавказе, инициатива в ходе которых прочно перешла в руки федеральных сил. Рассказывая о взятии 6-й ротой 165-го полка морской пехоты Тихоокеанского флота господствующей высоты Гойтен-Корт (Грозненский сельский район), что позволило армии визуальнo контролировать Аргун, Шали и Гудермес, журналисты «Красной звезды» писали о скрытном выдвижении российских военных, проявленной ими храбрости и конечной победе с минимальными потерями. Несмотря на то, что «дудаевцы бились, как черти», высота Гойтен-Корт была взята морскими пехотинцами под командованием капитана Р. Клиза, а в бою были уничтожены не менее 4 чеченских боевиков (Ермолин, Карапетян, 1995b). Впоследствии морская пехота смогла отразить все контратаки со стороны противника, несмотря на применение им реактивной артиллерии (Ермолин, Карапетян, 1995b). Добавим к этому, что сам по себе факт «полного военного поражения» сторонников Д. М. Дудаева к лету 1995 года, пусть и с оговоркой об их политическом успехе, не отрицал даже журналист польского издания *Gazeta Wyborcza* А. Ломановский, симпатизировавший сепаратистам (Ломановский, 1995, с. 11).

Как известно, на стороне официальных властей РФ в чеченском вопросе на рубеже 1994-1995 гг. неожиданно выступили многочисленные организации националистов, ранее считавшиеся сугубо оппозиционными внутри- и внешнеполитическому курсу президента страны Б. Н. Ельцина. Отметим, что возможности превращения главы государства из «либерала» в «патриота-государственника» и, соответственно, сотрудничества оппозиции с ним анализировались представителями данного направления российского политического истеблишмента ещё в конце 1993 года (Зеленко, 2002, с. 84-85). Их масс-медиа трактовали начавшиеся на Северном Кавказе боевые действия как настоящую войну за саму возможность дальнейшего существования Российского государства. Например, в заявлении Центрального Совета Движения народных националистов (позднее – Народная национальная партия) от 13 декабря 1994 года возможное примирение Кремля «с криминальным режимом Дудаева» трактовалось как предательство государственного суверенитета России и принципа неделимости её территории. Подчёркивая последнее обстоятельство как «священный принцип имперской политики», авторы документа не просто призывали к подавлению любого сепаратизма в стране, но и считали это действие «жизненно необходимым» для неё (Заявление Центрального Совета..., 1994).

Если «народные националисты» во главе с А. К. Ивановым-Сухаревским лишь оперировали понятиями типа «преступная дудаевская клика», которое практически не отличалось от официальной фразеологии, то Совет Думы Всероссийского национального правового центра (ВНПЦ) в связи с событиями в Чечне принял 28 декабря 1994 года более развёрнутое заявление. По данным организации, за годы правления в Чечне режима генерала Д. М. Дудаева были убиты свыше 2000 русских жителей республики, изгнаны ещё почти 200 000 из них, а многие фактически стали рабами у коренного населения (Заявление Всероссийского национального правового центра..., 1994). По отношению к сторонникам сепаратизма в документе использовались понятия типа «незаконные бандформирования» или «мятежники», также вполне соответствовавшие официальному лексикону тех лет. Вполне совпадали с правительственной точкой зрения и симпатии Совета Думы ВНПЦ к антидудаевской оппозиции как выразителю интересов чеченской нации (Заявление Всероссийского национального правового центра..., 1994).

Если самому чеченскому народу, его языку, вере и традициям, по мнению ВНПЦ, ничего не угрожало, то непосредственно дудаевский режим оценивался ВНПЦ не просто как «обыкновенное мятежное образование» на территории страны, не выражавшее воли своего народа, но и как «критическая угроза самому российскому государству» (Заявление Всероссийского национального правового центра..., 1994). Националисты поддерживали решение федеральных властей о начале военной операции в Чечне ещё и в силу участия в боевых действиях на стороне дудаевцев наёмников из стран СНГ, Ближнего и Среднего Востока: оно считалось ими вполне доказанным и расценивалось как «интервенция иностранных интересов в нашу страну» (Заявление

Всероссийского национального правового центра..., 1994). Возможный уход федеральных сил из Чеченской Республики, по мнению авторов документа, мог привести к гибели сотен тысяч русскоязычных жителей республики и к массовым притеснениям русских в других республиках Северного Кавказа (Заявление Всероссийского национального правового центра..., 1994). Данное заявление было не только опубликовано, но и поддержано редакцией националистической газеты «Русский вестник», выступавшей за ликвидацию всех национальных границ внутри страны как «источника конфликтов» и резко осуждавшей любые антивоенные заявления столичных демократов (Вокруг Чечни, 1994).

В 1994–1995 гг. в националистических масс-медиа практически не выходили репортажи непосредственно из зоны боевых действий в Чечне. При этом оценки вооружённых сторонников генерала Д. М. Дудаева с их стороны заметно различались. К примеру, скандально известный писатель и публицист Я. Ю. Могутин (1994) в публикации «Чеченский узел. 13 тезисов» использовал по отношению к ним такие резкие высказывания, как «дудаевские головорезы» и «озверевшие исламские фанатики», характеризовал Чечню как одну из «угроз всей христианской цивилизации» наряду с Боснией и Таджикистаном, где в этот период также продолжались широкомасштабные боевые действия. Более того, журналист оценивал конфликт на Северном Кавказе не как восстановление центральными властями законности и правопорядка в одном из регионов страны, а именно как «войну с чеченцами» (Могутин, 1994), для победы в которой государство и армейское командование должны были приложить максимум усилий. Тем самым врагом в статье Я. Ю. Могутина был объявлен весь чеченский этнос, а не только вооружённые сепаратисты, а существование в республике каких-либо про-российских сил не принималось автором в расчёт.

Более умеренную точку зрения высказал корреспондент «Русского вестника» А. Андреев. Любопытно, что его статья была опубликована на первой странице данного издания. В изложении автора, вооружённые столкновения между сторонниками и противниками дудаевского режима в Чечне летом и осенью 1994 года представляли собой обычные межклановые «разборки», хотя они велись под командованием кадровых офицеров и с участием многоопытных наёмников из стран СНГ (Андреев, 1994). В силу этого, полагал журналист, обе стороны действовали пассивно и достигли скромных результатов на поле боя, однако итогом их стычек стала «волна русского национального освободительного движения» в Чечне, которое получило помощь от вооружённых добровольцев из других регионов страны (Андреев, 1994). Данные утверждения не согласуются с реалиями жизни республики в это время. Жертвами межчеченской смуты стали более 700 человек, ещё более 1500 получили ранения (Шнирельман, 2006, с. 349).

А. Андреев (1994) также утверждал, что знаменитый 48-часовой ультиматум президента РФ Б. Н. Ельцина о сдаче оружия и роспуске НВФ от 29 ноября 1994 года с одобрением встречен жителями Северного Кавказа, которые в течение трёх лет «жили в постоянной тревоге рядом с головорезами», но после выступления главы государства получили надежду на мир и спокойствие в регионе. В то же время автор статьи в «Русском вестнике» прогнозировал, что лидер самопровозглашённой Чеченской Республики генерал Д. М. Дудаев попытается использовать ввод федеральных сил для объединения чеченского народа против России. А. Андреев (1994) писал о задержании чеченской полицией в Грозном русских мужчин призывного возраста, обвинении их в поддержке антидудаевской оппозиции и последующих расстрелах без суда и следствия. По отношению к автохтонному населению республики автором статьи использовались термины типа «нохчи» и «чечены», а также был сделан вывод о том, что «даже простой русский мужчина, способный взять оружие, наводит на чеченов ужас» (Андреев, 1994). Тем самым возможный вооружённый конфликт между федеральным Центром и чеченскими сепаратистами фактически позиционировался как русско-чеченское противостояние, в котором шансы боевиков на успех невелики.

В то же время в статье казачьего есаула В. Голубева на страницах того же «Русского вестника» главными виновниками начала военных действий в Чечне были объявлены именно Д. М. Дудаев и другие лидеры сепаратистов, так как они «ставят массы необученных горцев под угрозу уничтожения современным высокоточным оружием, которому горы нипочём» (Голубев, 1994). Казачий офицер противопоставлял современным ему чеченским политикам третьего имама Чечни и Дагестана Шамиля, который в августе 1859 года в ауле Гуниб предпочёл прекратить сопротивление превосходящим силам Главнокомандующего Кавказской армией князя А. И. Барятинского и тем самым завершить многолетнюю Кавказскую войну, согласившись на вхождение Северного Кавказа в состав Российской империи (Голубев, 1994).

Тем не менее следует признать, что большинство крупных российских масс-медиа в 1994–1995 гг. отрицательно восприняли решение Кремля о проведении военной операции в Чечне. Во многом тон здесь задавала телекомпания НТВ, чья аудитория была в 2,5 раза выше, чем у государственных каналов «Останкино» и РТР (Островский, 2019, с. 276). Однако и позиция ряда печатных СМИ была резко антивоенной. Журналисты наиболее авторитетных столичных изданий подчас стремились представить как население республики в целом, так и вооружённых сепаратистов в достаточно позитивном ключе. В частности, в одном из первых репортажей газет «Труд» из зоны чеченского конфликта, со ссылкой на дежурного врача Ачхой-Мартановской районной больницы, содержалась краткая информация о случае, произошедшем с молодым офицером-вертолётчиком С. Девятковым (Час от часу..., 1994). Его боевая машина была подбита чеченскими боевиками утром 14 декабря 1994 года огнём из стрелкового оружия, в результате чего 2 российских военных погибли, а сам Девятков был тяжело ранен, лишился ноги и попал в плен, но остался жив благодаря вовремя оказанной жителями района помощи. Тем не менее позднее пресса несколько скорректировала данное представление. Поскольку отряды чеченских сепаратистов не представляли собой регулярную армию, отношение боевиков к пленным российским солдатам зависело от настроения того или иного полевого командира и поэтому заметно различалось (Бондаренко, 1995а, с. 11).

Во многих репортажах популярных столичных газет и журналов демократической направленности боевики, противостоявшие Объединённой группировке войск на поле боя, изображались не профессиональными военными, а взявшимися за оружие гражданскими лицами, которые якобы «защищают свой дом... своё право жить по-своему» (Черкизов, 1996, с. 275). Например, известный учёный-востоковед Е. В. Супонина в публикации столичной «Независимой газеты» утверждала, что среди защитников Грозного зимой 1994-1995 гг. количественно преобладали бывшие учителя, крестьяне и строители, в то время как работники Департамента государственной безопасности или бойцы чеченского ОМОНа составляли явное меньшинство (Барахова, Пачегина, Андреев, Супонина, 1995). Побывавшая в Грозном в дни «новогоднего штурма» корреспондент еженедельного журнала «Новое время» Г. Я. Ковальская тоже считала, что основная масса боевиков – это «дудаевское ополчение», то есть люди «средних лет и среднего роста, без какой-либо выправки, больше похожие на крестьян и рабочих, чем на профессиональных военных» или «люди мирных гражданских профессий» (Ковальская, 1995а, с. 7). Она писала, что даже среди боевиков-смертников в Грозном преобладали не религиозные фанатики, а зрелые семейные люди, о жёнах, детях или родителях которых, в случае их гибели, должны были позаботиться многочисленные родственники (Ковальская, 1995а, с. 7).

Аналогичная картина складывалась не только во время боёв за Грозный, но и во время стычек в других районах республики. Так, другой корреспондент «Нового времени» М. А. Гессен* (1995) писала, что у стихийно организовавшегося отряда из 3500 боевиков в западной Чечне фактически даже отсутствовало централизованное командование. Эти люди, чей возраст колебался от 11 лет до старости, выставляли пикеты из 50 бойцов, вооружённых различными образцами стрелкового оружия и гранатомётами, на перекрёстках автотрассы и стремились не допустить продвижения по ней российских военных (Гессен*, 1995, с. 11). Заметим, что и упоминавшийся выше британец А. Ливен (2019, с. 150-151) оставил аналогичное описание позиций сепаратистов у села Алхан-Юрт.

Г. Я. Ковальская (1995а) считала чеченских боевиков образца зимы 1994-1995 гг. весьма неоднородными отрядами и делила их на три категории: 1) «дудаевских солдат» или «защитников независимости», то есть тех, кто в силу идейных соображений поддерживал режим сепаратистов ещё с 1991 года; 2) воевавших с момента начала междоусобицы в Чечне между приверженцами и оппонентами Д. М. Дудаева в августе-сентябре 1994 года; 3) взявшихся за оружие лишь после ввода федеральных сил в республику 11 декабря 1994 года. Г. Я. Ковальская (1995а, с. 8) утверждала, что самой малочисленной категорией боевиков была именно первая, в то время как все прочие лишь очень условно могли считаться политическими сторонниками Д. М. Дудаева. Чуть позже она вновь писала о том, что в Грозном силам МО и ВВ МВД РФ противостояли «обычные мужики: шофёры, крестьяне, торгаши» (Ковальская, 1995b, с. 8), давая понять читателям, что большая часть этих людей стали боевиками во многом вынужденно, и фактически обвиняя в этой ситуации федеральные власти. С ней были солидарны корреспонденты «Комсомольской правды» В. Каркавцев и В. Веленгурин (1995), в небольшой заметке изложившие историю 17-летнего чеченского боевика Мусы из села Самашки Ачхой-Мартановского района, который лишился родственников и дома в результате военных действий, после чего с охотничьим ружьём в течение недели воевал с российскими войсками в Грозном, где был ранен в ногу.

Весьма критично представители демократических масс-медиа отнеслись и к приведённому выше тезису официальных властей о наличии среди НВФ многочисленных иностранных наёмников. Е. В. Супонина писала о том, что афганских моджахедов в Грозном она не видела (Барахова, Пачегина, Андреев, Супонина, 1995). Единственными нечеченцами в составе НВФ, которых накануне и в разгар боёв за столицу Чечни не только наблюдали, но и даже интервьюировали московские СМИ, стали несколько украинских националистов во главе с А. И. Музычко («Сашко Белый»), причём один из них вскоре погиб в бою (Барахова, Пачегина, Андреев, Супонина, 1995). Г. Я. Ковальская (1995а, с. 8) тоже полагала, что число украинских «добровольцев» в рядах НВФ Чечни не превышало 3-х человек, ранее получивших военный опыт в составе Ограниченного контингента советских войск в Афганистане. Об одном из этих людей, бывшем прапорщике Советской Армии и участнике афганской войны О. И. Челнове («Беркут»), зимой 1995 года лаконично упоминала и «Независимая газета» (Пачегина, Гололобов, 1995).

Заметим, что критически настроенные по отношению к силовому способу урегулирования российские СМИ зимой 1994-1995 гг. для оказания большего давления на власти нередко публиковали переводные публикации иностранных авторов на чеченскую тему (Тумаков, 2018, с. 102). Такой ценный исторический источник, как статьи корреспондента польской газеты «*Zycie Warszawy*» Я. Ружджинского (Ружджиньского), которые были опубликованы в некоторых российских масс-медиа в 1990-е гг. (Ружджинский, 1994, с. 8-10) или позднее (Ружджинский, 2013, с. 36-40), тоже свидетельствует о малочисленности иностранцев в рядах чеченских боевиков. Ещё в конце 1994 года во время военных действий у станицы Первомайская Грозненского сельского района польский журналист в бинокль заметил женщин-снайперов, очевидно, славянского происхождения. По его оценке, количество украинских националистов в Чечне в то время не превышало 20 человек (Ружджинский, 1994, с. 8), а о выходах из других стран среди дудаевских формирований Я. Ружджинский не написал ни слова.

Вполне однозначной в данном вопросе была и позиция военнотружеников – непосредственных участников операции в Чечне. После взятия Грозного и возвращения из «горячей точки» старшие офицеры 98-й гвардейской воздушно-десантной дивизии из Иванова также утверждали, что на их участке противостояния в центре города иностранные комбатанты не встречались (Разуваев, 1995). С ними были согласны и простые солдаты федеральных сил. Участник многих сражений начального этапа первой чеченской кампании, рядовой 106-й Тульской гвардейской воздушно-десантной дивизии С. К. Шестопалов в воспоминаниях тоже писал,

что «основную часть армии Джохара Дудаева составляло местное чеченское население» (Шестопалов, 2013, с. 35-36), в то время как общее количество иностранных добровольцев в рядах НВФ не превышало 60 человек (Шестопалов, 2013, с. 76). Примерно теми же цифровыми показателями после войны оперировал один из высших лидеров сепаратистов З. А. Яндарбиев (Шевченко, 1999). Таким образом, по мнению фронтовиков, защитниками столицы мятежной республики зимой 1994-1995 гг. оказались такие же российские граждане, как и они сами.

Несмотря на ополченческий характер ведения боевых действий с чеченской стороны, важной составной частью восприятия противника российским общественным мнением стал образ воинственного и решительного боевика. К примеру, специальный корреспондент газеты «Труд» В. И. Натыйкин в репортаже о переговорах, прошедших между делегациями федерального Центра и лидерами самопровозглашённой республики в бывшем здании райкома КПСС в станице Орджоникидзевская Сунженского района Республики Ингушетия 6 декабря 1994 года, оставил следующее описание внешности Д. М. Дудаева: «...одет в пятнистый камуфляж, на голове пилотка с красной окантовкой, на плечах погоны российского генерала» (Натыйкин, 1994). Столь же воинственно, по мнению московского журналиста, выглядели и бойцы его личной охраны: «...вооружённый люд, опоясанный пулемётными лентами. На плечах у некоторых гранатомёты. Так крестьяне носят мотыги и вилы» (Натыйкин, 1994). Спустя двадцать лет аналогичным образом вспоминал последнюю встречу лидера сепаратистов Д. М. Дудаева с министром обороны России генералом армии П. С. Грачёвым и известный фотокорреспондент еженедельника «Аргументы и факты» В. С. Сварцевич (Алексеева, 2014). Как известно, во время упомянутого диалога стороны смогли договориться только о передаче российской стороне всех военнослужащих, захваченных дудаевцами при штурме Грозного силами оппозиции 26 ноября того же года (Шайхаев, 2019, с. 236).

Подобный образ чеченских боевиков существовал и на страницах других центральных масс-медиа. В частности, в последнем номере столичного издания «Комсомольская правда» за 1994 год содержалась публикация корреспондента А. Н. Евтушенко о новогодней ёлке в военном стиле на базе НВФ в горах на юге республики. Журналист писал о том, что гирлянды на ёлке были заменены пулемётными лентами, место игрушек занимали автоматные гильзы, а вместо Деда Мороза использовался снаряд ручного гранатомёта (Евтушенко, 1994-1995). При этом как анонимный командир отряда чеченских сепаратистов, так и рядовые боевики в беседе с московским журналистом выражали полную уверенность в том, что в ходе партизанской войны в горной местности они смогут нанести заметные потери наступающим федеральным войскам (Евтушенко, 1994-1995).

Биографии некоторых участников чеченских вооружённых формирований, публиковавшиеся в центральной периодике тех лет, также способствовали укреплению данного образа в общественном сознании. Одновременно они наглядно демонстрируют, насколько противоречивым был кадровый состав дудаевских отрядов в середине 1990-х гг. К примеру, герой очерка корреспондента столичных «Известий» А. С. Челнокова боевик С. Темирбулатов в течение десяти лет прожил в Москве, где, по его словам, входил в число заметных представителей чеченского криминалитета и был хорошо известен работникам МУРа, но уехал на родину «защитить свой народ» накануне танковой атаки на Грозный сил антидудаевской оппозиции (Челноков, 1995а). Напротив, другим героем упомянутой публикации являлся бывший сотрудник уголовного розыска, полевой командир из райцентра Шали А. Мовсаев, который дал следующее описание ротации НВФ при обороне Грозного: две недели боевики находились на боевых позициях, затем в течение такого же времени отдыхали у себя дома (Челноков, 1995а).

В другом репортаже А. С. Челнокова из фронтового Грозного содержался краткий рассказ о боевике Х. Багалове из населённого пункта Новогрозненское (Ойсхара) Гудермесского района, который в 1980-е гг. работал на строительстве Байкало-Амурской магистрали. В начальный период первой чеченской кампании этот человек представлял собой классический тип партизана. Х. Багалов рассказывал «Известиям», что днём воевал с российскими войсками, а в ночное время суток находился в родном посёлке и отдыхал от военных действий (Челноков, 1995b). Другому типу боевика, представленному в публикации «Известий» – многоопытного военного профессионала – соответствовал бывший командир взвода Воздушно-десантных войск РФ А. Байгаев, ранее служивший в зоне грузино-абхазского конфликта, получивший там ранение и демобилизовавшийся из рядов Вооружённых Сил России (Челноков, 1995b). Второй раз он был ранен уже во время отступления НВФ из Грозного зимой 1995 года.

Отметим, что автор статьи в столичной газете весьма некритично подошёл к заявлениям бывшего российского офицера Байгаева о боевых потерях противоборствующих сторон в ходе военных действий в Чечне, в частности, к его утверждению об уничтожении чеченцами на железнодорожной станции Червлённая-Узловая из миномёта воинского эшелона и гибели при этом более 200 российских солдат (Челноков, 1995b). Между тем известный военный корреспондент В. П. Киселёв, тщательно изучивший «Журнал боевых действий» 245-го гвардейского мотострелкового полка за 1995-1996 гг., приводил информацию о вооружённом нападении боевиков 23 января 1995 года на станцию Червлённая-Узловая и подробно описал тот бой. Согласно документу, после упомянутой стычки полк не имел потерь в личном составе, хотя нападавшими была сожжена БМП (Киселёв, 2013, с. 98-142).

Любопытно, что в той же статье было помещено интервью с одним из наиболее известных чеченских полевых командиров Р. У. Читиговым, отряд которого противостоял федеральным войскам близ третьего по величине города республики Аргун. Журналист сообщал, что в общей сложности в подчинении этого человека находились около 100 боевиков, имевших на вооружении несколько трофейных танков и артиллерийских орудий. Ранее Читигов жил в США, где занимался предпринимательской деятельностью, а после начала

боевых действий в Чечне в конце 1994 года вернулся на родину и якобы на собственные деньги полностью вооружил и экипировал роту бойцов (Челноков, 1995b). Между тем источники более позднего времени утверждали, что род деятельности будущего полевого командира в течение четырёх лет его жизни в США точно не известен (Дюпин, 2005).

Говоря о ходе военных действий после падения Грозного, Р. У. Читигов довольно хвастливо утверждал, что его подчинённые – это «взрослые мужчины, прошедшие службу в российско-советских вооружённых силах», которые превосходят военнотружущих федеральных сил в профессионализме, опыте и мотивации (Челноков, 1995b). В противостоянии с ними чеченцы использовали тактику нанесения «жалящих ударов» и немедленного отхода, практически не неся потерь в людях и не давая армии возможности взятия или блокады Аргуна. Полевой командир НВФ также утверждал, что единственной жертвой в его отряде за время боевых действий стал первый командир по имени Висагомед (Челноков, 1995b). Подтвердить или опровергнуть данную информацию в настоящее время не представляется возможным.

В подтверждение высоких боевых качеств чеченских боевиков, некоторые авторитетные столичные СМИ публиковали не только соответствующие, подчас преувеличенные, свидетельства самих сепаратистов, но и аналогичные признания со стороны представителей федеральных сил. Например, вскоре после освобождения Грозного «Независимая газета» приводила фрагмент записи беседы депутата Свердловской областной Думы от Демократической партии России А. С. Коткова с заместителем командира танкового батальона 276-го мотострелкового Краснознамённого полка Уральского военного округа майором Пономарёвым от 2 февраля 1995 года (Солдаты ощущают себя..., 1995). Офицер рассказывал о том, что после тяжёлых потерь во время боевых действий 31 декабря 1994 – 2 января 1995 гг. армия смогла переломить ход кампании и начала успешно воевать, причём с меньшим уроном (Солдаты ощущают себя..., 1995). Тем не менее взятие президентского дворца Д. М. Дудаева в центре чеченской столицы стоило федеральным силам больших человеческих жертв, в то время как в руинах здания, по информации Пономарёва, погиб лишь арьергард противника из 10 молодых боевиков-смертников (Солдаты ощущают себя..., 1995). При этом майор-танкист был вынужден открыто признать, что даже после перехода Грозного под их контроль российские военнотружущие «...ощущают себя в Чечне, как на вражеской территории» (Солдаты ощущают себя..., 1995). Его слова наглядно свидетельствовали о том, что симпатии значительной части населения мятежной республики в тот момент находились на стороне сепаратистов. Достигнуть перелома властям удалось лишь заметно позднее.

В вышеупомянутом репортаже корреспондента «Комсомольской правды» А. Г. Хохлова (1995) содержался довольно подробный рассказ о тактике обеих сторон во время сражения за столицу Чечни. Дудаевцы воевали группами из 5-7 человек, включавших гранатомётчика, пулемётчика, снайпера и 2-3 стрелков, причём столичный журналист признавал их преимущество над федеральными войсками в средствах связи и равенство сторон в лёгком вооружении (Хохлов, 1995). Главным преимуществом российских войск в условиях городских боёв оставалось активное использование ими артиллерии и авиации. Позднее военные переняли у противника его тактику действий, отказавшись от лобовых танковых атак на город, что привело к переходу инициативы в их руки и, в конечном итоге, к взятию Грозного. Журналист А. Г. Хохлов (1995) подчёркивал, что даже военнотружущие ВДВ России вполне уважительно относятся к своему противнику, утверждая, что «чеченские мужчины – сильные бойцы» или «Дудаев три года готовил настоящую армию к настоящей войне». Примечательно, что офицеры и солдаты – герои упомянутой статьи в «Комсомолке» – считали одной из причин первоначальных неудач федеральных сил не только недостаточную подготовку операции в Чечне со стороны военного ведомства, недостатки боевой подготовки танкистов и мотострелков, но и явную недооценку возможностей дудаевцев со стороны российского командования (Хохлов, 1995).

Свидетельства такого рода выходили в центральной печати и в дальнейшем. Весной 1995 года военный журналист «Независимой газеты» Н. Вишневский (1995), рассказывая о взятии федеральными войсками бетонированной долговременной огневой точки чеченских боевиков близ города Аргуна, утверждал, что для успешного решения данной задачи потребовались до 200 хорошо экипированных военнотружущих 106-й Тульской гвардейской воздушно-десантной дивизии и многочасовая огонь артиллерии. По его словам, многие опытные офицеры-десантники, ранее успешно воевавшие в Афганистане и удостоенные за ту кампанию высоких государственных наград, считали боевые действия в Чечне гораздо более сложными и ожесточёнными (Вишневский, 1995). Эту точку зрения, по утверждению журналистов «Комсомольской правды», вполне разделяли военнотружущие армейской разведки из Владикавказа (Коц, Фролов, 1995). Даже во время боевых действий лета 1995 года в горных районах республики уровень боеспособности сепаратистов получал высокие оценки из уст российских военных. К примеру, командир сводного полка 104-й Ульяновской гвардейской воздушно-десантной дивизии подполковник С. Петерсон утверждал, что чеченские боевики «воюют грамотно. Оборону строят по всем правилам» (Трушин, 1995). Тем самым следует признать, что дудаевцы воспринимались в центральных СМИ середины 1990-х гг. как очень сильный и опасный военный противник.

В то же время другие публикации в демократической центральной печати тех лет свидетельствуют о том, что российская армия не была столь слаба в противостоянии с дудаевцами, как об этом утверждал упоминавшийся выше полевой командир Р. У. Читигов. Например, непосредственный очевидец штурма Грозного зимой 1994-1995 гг., военный корреспондент «Комсомольской правды» А. Г. Хохлов (1995) описывал, как при штурме президентского дворца разведчики просачивались вперёд и уничтожали чеченских часовых, после чего десантники, морские пехотинцы и мотострелки без боя занимали позиции НВФ в зданиях близ дворца. По данным журналиста, заместитель командира роты разведки, старший лейтенант Воздушно-десантных

войск России, имя которого Хохлов не приводил, вместе с двумя солдатами-огнемётчиками дважды проник в тыл сепаратистов, оборонявших гостиницу «Кавказ», и вызывал огонь артиллерии на их узлы сопротивления. Он же в честь дня рождения прошёл со своими разведчиками по тылу противника до площади Минутка, уничтожив свыше 10 вооружённых чеченцев, а затем дважды корректировал огонь тяжёлой артиллерии по скоплениям живой силы противника (Хохлов, 1995). Позднее упомянутый офицер был представлен к званию Героя России. Весьма высоко газета «Комсомольская правда» оценивала и боевые качества военнотружущих разведывательного батальона из Владикавказа, который за два месяца ожесточённых боёв в Грозном потерял только трёх человек погибшими: по словам журналистов, разведчики «воюют как черти, спасая честь страны и вооружённых сил» (Коц, Фролов, 1995).

Антивоенно настроенная центральная пресса тех лет вскользь упоминала и о значительных людских потерях вооружённых сторонников дудаевского режима в ходе продолжавшихся военных действий. Например, в репортаже специального корреспондента «Комсомольской правды» В. П. Каркавцева из западных районов Чечни прямо сообщалось, что во время боёв за сохранение южного коридора из Грозного в село Алхазурово Урус-Мартановского района регулярно приходила информация «о том, как много людей полегло под Пригородным». Кроме того, через Алхазурово в те дни везли тела убитых боевиков, а 8 из них (очевидно, местные жители) были захоронены в самом населённом пункте (Каркавцев, 1995). В результате журналист «Комсомолки» был даже вынужден спросить у сепаратистов, не погибнет ли в ходе масштабных боевых действий с федеральными силами вся чеченская нация (Каркавцев, 1995). Не менее суровую картину положения вещей в лагере НВФ рисовала и статья Е. В. Супониной (1995) в столичной газете «Сегодня». Согласно её оценке, в отряде некоего чеченского полевого командира Имрана в мае 1995 года, после окончания военных действий в Грозном и в равнинных районах республики, лишь 11 человек из 80 остались живыми и здоровыми (Супонина, 1995). О церемонии опознания 4-х погибших боевиков в аэропорту Грозный-Северный летом того же года писала и специальный корреспондент «Нового времени» М. Бондаренко (1995b, с. 9).

Заключение

Анализ типичных по содержанию статей центральной периодической печати, выходивших с конца 1994 по лето 1995 года, показывает, что журналисты, независимо от их политических пристрастий, характеризовали события на Северной Кавказе как войну. В силу этого вооружённые чеченские сепаратисты, противостоявшие федеральным силам и правоохранительным органам России, вызывали немалый интерес у ведущих масс-медиа. Они регулярно и достаточно подробно освещали такие важные аспекты темы, как численность, качество вооружения, состояние боевого духа сторонников нелегитимного режима генерала Д. М. Дудаева, а также причины, заставившие их взять в руки оружие.

Позиция столичных журналистов по данному вопросу была чрезвычайно противоречивой. В репортажах специальных корреспондентов ведомственных изданий вооружённые сепаратисты представляли исключительно в негативном образе «бандитских формирований», то есть вооружённых, но трусливых людей, которые не могут достойно противостоять федеральной армии в открытом бою и поэтому прикрываются мирными жителями как «живым щитом». Именно последним обстоятельством объяснялись многочисленные жертвы и разрушения в населённых пунктах Чечни вследствие военных действий. К тому же представители центральных масс-медиа, издававшихся силовыми структурами, а также националистические СМИ, вслед за российскими официальными лицами, регулярно подвергали сомнению тот факт, что подавляющее большинство боевиков является чеченцами по национальности, и полагали главным врагом федеральных сил иностранных наёмников. Другой крайностью стали публикации в печати, симпатизировавшей демократическим партиям. Их корреспонденты не объединяли чеченских боевиков и одиозную фигуру Д. М. Дудаева и предпочитали использовать по отношению к первым термин «ополченцы». По мнению масс-медиа, к столь печальному исходу привела непродуманная и неэффективная политика, проводившаяся в Чечне российским руководством во главе с президентом Б. Н. Ельциным. О жестоком обращении боевиков с попавшими в плен российскими военными или с русскоязычным населением республики демократические издания нередко умалчивали.

Если в начале 1990-х гг. практически все столичные СМИ, независимо от их партийно-политических пристрастий, желали избежать силовой конфронтации и с мятежной Чеченской республикой, боясь рецидива печально знаменитой Кавказской войны XIX века (Тумаков, 2025, с. 1802), то в 1994-1995 гг. между публикациями в проправительственной и демократической прессе присутствовали глобальные различия. Представители первой полагали военный способ разрешения проблемы Чечни печальной необходимостью, в то время как вторые решительно осуждали действия властей. Подобное разделение было характерно вплоть до подписания в 1996 году Хасавюртовских соглашений и вывода федеральных войск из Чечни.

Перспективы дальнейшего изучения означенной проблемы заключаются в более глубоком исследовании различных аспектов сложных и неоднозначных взаимоотношений между федеральным Центром и мятежной Чеченской Республикой в 1990-е гг. Материалами для этого могут послужить как опубликованные (источники личного происхождения, федеральная и местная периодика), так и неопубликованные (документы центральных, включая ведомственные, и местных архивов по мере их рассекретивания) источники.

Примечание: * – признана в РФ иностранным агентом.

Материалы исследования | Research materials

1. Алексеева Л. Грачёв – Дудаев. Как проходила встреча, с которой началась Первая Чеченская // Аргументы и факты. 2014. 6 декабря.
2. Андреев А. Путь России не прогнозируется // Русский вестник. 1994. № 36-44.
3. Барахова А., Пачегина Н., Андреев В., Супонина Е. Правительственные делегации Москвы и Грозного договорились. На фронте всё решит наличие или отсутствие инстинкта самосохранения // Независимая газета. 1995. 19 января.
4. Бондаренко М. Зона неизвестности // Новое время. 1995а. № 31.
5. Бондаренко М. Репортаж из перемирия // Новое время. 1995b. № 26.
6. Вишневатский Н. От Аргуна к Гудермесу. Армия всё понимает // Независимая газета. 1995. 25 марта.
7. Вокруг Чечни // Русский вестник. 1994. № 36-44.
8. Гессен М. Следы под пеплом // Новое время. 1995. № 4.
9. Гололобов Н. В Грозный возвращается жизнь. Чеченская рана будет кровоточить ещё долго // Независимая газета. 1995. 7 апреля.
10. Голубев В., есаул. Преступно разжигать ненависть // Русский вестник. 1994. № 36-44.
11. Дюпин С. В Чечне уничтожен террорист номер три // Коммерсант. 2005. 24 марта.
12. Евтушенко А. Главное сейчас – сберечь людей. Командир чеченских партизан уверен, что будет иметь преимущество, если война переместится в горы // Комсомольская правда. 1994. 30 декабря – 1995. 2 января.
13. Ермолин В., Карапетян П. А на нейтральной полосе – весна // Красная звезда. 1995а. 29 марта.
14. Ермолин В., Карапетян П. Андрееватский флаг над высотой Гойтен-Корт // Красная звезда. 1995b. 30 марта.
15. Заявление Всероссийского национального правового центра в связи с событиями в Чечне // Русский вестник. 1994. № 36-44.
16. Заявление Центрального Совета Движения Народных Националистов // Русский вестник. 1994. № 36-44.
17. Каркавцев В. Выжженная земля плодит боевиков // Комсомольская правда. 1995. 9 февраля.
18. Каркавцев В., Веленгурин В. На всякой войне в особой цене жизнь и еда // Комсомольская правда. 1995. 8 февраля.
19. Киселёв В. П. Исповедь непобеждённого полка. М.: Эксмо, 2013.
20. Кислый Ю. Чечня: зима тревоги нашей. Острые осколки с войны // На боевом посту. 1995. № 2. <https://rosguard.gov.ru/page/index/zhurnal-na-boevom-postu-archiv-nomerov-19901999-gg>
21. Ковальская Г. Лесной пожар // Новое время. 1995а. № 2-3.
22. Ковальская Г. Мифы чеченской войны. Откуда взялась история про кастрированных пленных? // Новое время. 1995b. № 7.
23. Коц И., Фролов С. К счастью, в России ещё есть с кем пойти в разведку // Комсомольская правда. 1995. 14 марта.
24. Кутасов О. Интересный документ из архивов ДГБ Чечни. Некоторые механизмы финансовой политики Дудаева // Независимая газета. 1995. 15 февраля.
25. Ломановский А. В горах у чеченских партизан // Новое время. 1995. № 28.
26. Могутинов Я. Чеченский узел. 13 тезисов // Русский вестник. 1994. № 45-52.
27. Натыйкин В. Шаг к миру на Кавказе сделан // Труд. 1994. 8 декабря.
28. Пачегина Н., Гололобов Н. Чечне подыскивают новое руководство. Готовится гражданская война // Независимая газета. 1995. 13 января.
29. Разуваев П. «В Афганистане всё было проще...» // Рабочий край. 1995. 9 февраля.
30. Россия и СССР в войнах XX века: статистическое исследование. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001.
31. Ружджинский Я. Тост зоотехника // Новая Польша. 2013. № 1.
32. Ружджинский Я. Раз увидеть... // Новое время. 1994. № 51.
33. «Солдаты ощущают себя в Чечне, как на вражеской территории». Из записи разговора с майором-танкистом // Независимая газета. 1995. 18 февраля.
34. Стародымов Н., Сидельников М. Чечня: время собирать камни и пахать весеннюю землю // Красная звезда. 1995. 4 апреля.
35. Супонина Е. Война продолжается, чеченцы настроены решительно. Полевые командиры утверждают, что российские солдаты продают им оружие и технику // Сегодня. 1995. 11 мая.
36. Трушин А. Здесь не поют даже птицы // Общая газета. 1995. 8-14 июня.
37. Фаличев О. Бои в Грозном: российским войскам противостоят опытные, хорошо обученные боевики // Красная звезда. 1995а. 10 января.
38. Фаличев О. Несмотря ни на что, армия решает в Чечне поставленные перед ней задачи // Красная звезда. 1995b. 11 января.
39. Хохлов А. В окопах Грозного. Любимый вопрос на передовой: когда же подойдёт тот парашютно-десантный полк, которым министр обороны обещал взять город за два часа? // Комсомольская правда. 1995. 2 февраля.
40. Час от часу не легче // Труд. 1994. 16 декабря.
41. Челноков А. Всё труднее понять – где свои, где чужие // Известия. 1995а. 31 января.

42. Челноков А. Ожесточённые бои местного значения. Почему не смыкается кольцо вокруг Грозного // Известия. 1995b. 4 февраля.
43. Черкизов А. А. Хронограф. Живая летопись московского муравья. Путеводители по пяти годам жизни страны. М.: Март, 1996.
44. Шевченко М. Война как война. Зелимхан Яндарбиев – о том, за что хотели убить генерала Романова и расстреливали российских контрактников // Независимая газета. 1999. 13 января.
45. Шестопалов С. К. Молох Грозного. Ярославль, Рыбинск: Изд-во ОАО «Рыбинский Дом печати», 2013.

Источники | References

1. Зеленко Л. В. Идеологические метаморфозы русского национал-патриотического движения (ноябрь 1993 – июнь 1996 г.) // Новый исторический вестник. 2002. № 3.
2. Кищенко М. С., Тумаков Д. В. Национальный вопрос в идеологии и программах национал-патриотических партий России в первой половине 1990-х гг. // Манускрипт. 2024. Т. 17. Вып. 4. <https://doi.org/10.30853/mns20240086> <https://doi.org/10.30853/mns20240086>
3. Ливен А. Чечня: трагедия российской мощи. Первая чеченская война. М.: Университет Дмитрия Пожарского. Русский фонд содействия образованию и науке, 2019.
4. Ляховский А. А. Зачарованные свободой: Тайны кавказских войн: Информация. Анализ. Выводы. М.: Детектив-Пресс, 2006.
5. Малашенко А. В., Тренин Д. А. Время Юга: Россия в Чечне, Чечня в России. М.: Гендальф, 2002.
6. Островский А. Говорит и показывает Россия. Путешествие из будущего в прошлое средствами массовой информации. М.: АСТ; CORPUS, 2019.
7. Осмачко С. Г. Политическое и социально-экономическое развитие СССР, Российской Федерации (1985-1999 гг.). Ярославль: Изд-во Ярославского государственного технического университета, 2003.
8. Тризман Д. История России. От Горбачёва до Путина и Медведева. М.: Эксмо, 2012.
9. Тумаков Д. В. Горячая точка новой России: чеченский кризис 1991-1996 гг. в оценках российского общества. Ярославль: Аверс Плюс, 2017.
10. Тумаков Д. В. Публикации иностранных журналистов в российских масс-медиа как источник по первой чеченской кампании 1994-1996 гг. // Historia provinciae. 2018. Т. 2. № 3. <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2018-2-3-5>
11. Тумаков Д. В. Взаимоотношения федерального Центра и Чеченской Республики в конце 1992 года в оценках центральных средств массовой информации Российской Федерации // Манускрипт. 2025. Т. 18. Вып. 4. <https://doi.org/10.30853/mns20250250>
12. Шайхаев Т. И. Начало вооружённого конфликта в Чечне в 1994 г. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2019. № 4.
13. Шнирельман В. А. Быть аланами: интеллектуалы и политика на Северном Кавказе в XX веке. М.: Новое литературное обозрение, 2006.

Информация об авторах | Author information

Тумаков Денис Васильевич¹, к. ист. н., доц.

¹ Ярославский государственный медицинский университет;
Ярославский государственный университет имени П. Г. Демидова

Denis Vasylievich Tumakov¹, PhD

¹ Yaroslavl State Medical University;
Yaroslavl State University named P. G. Demidov

¹ denistumakov@yandex.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 15.06.2026; опубликовано online (published online): 28.07.2026.

Ключевые слова (keywords): кризис на Северном Кавказе; Чеченская Республика; провоенная печать; образ вооружённого сепаратиста как бандита; штурм Грозного федеральными силами; образ вооружённого сепаратиста как защитника; crisis in the North Caucasus; Chechen Republic; pro-war press; image of an armed separatist as a bandit; assault on Grozny by federal forces; image of an armed separatist as a defender.